

Василий Григорьевич Авсеенко

При дамах

Петербургские очерки

Василий Авсеенко

При дамах

«Public Domain»

1900

Авсеенко В. Г.

При дамах / В. Г. Авсеенко — «Public Domain»,
1900 — (Петербургские очерки)

«Васса Андреевна Ужова встала очень поздно и имѣла не только сердитый, но даже злющій видъ. Умывшись, противъ обыкновенія, совсѣмъ наскоро, она скрутила свою все еще богатую косу въ толстый жгутъ, зашпилила ее высоко на головѣ, накинула на плечи нарядный, но не очень свѣжій халатикъ, и вышла въ столовую, гдѣ горничная Глаша поставила передъ ней кофейникъ, корзинку съ хлѣбомъ и большую чашку. Всѣ эти принадлежности Васса Андреевна оглянула съ враждебной гримасой, поболтала ложечкой въ сливочникъ, потомъ лизнула эту ложечку языкомъ, и отбросила ее черезъ весь столъ...» Произведение дается в дореформенном алфавите.

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Василий Григорьевич Авсеенко

При дамахъ

I

Васса Андреевна Ужова встала очень поздно и имѣла не только сердитый, но даже злощій видъ. Умывшись, противъ обыкновенія, совсѣмъ наскоро, она скрутила свою все еще богатую косу въ толстый жгутъ, зашпилила ее высоко на головѣ, накинута на плечи нарядный, но не очень свѣжій халатикъ, и вышла въ столовую, гдѣ горничная Глаша поставила передъ ней кофейникъ, корзинку съ хлѣбомъ и большую чашку. Всѣ эти принадлежности Васса Андреевна оглянула съ враждебной гримасой, поболтала ложечкой въ сливочникѣ, потомъ лизнула эту ложечку языкомъ, и отбросила ее черезъ весь столъ.

— Что это за гадость ты мнѣ подала! — накинулась она на Глашу. — Развѣ я стану съ такими сливками пить?

Глаша нагнула голову и внимательно заглянула въ кувшинчикъ.

— Не хороши, барышня? — произнесла она печально-удивленнымъ тономъ.

— Опять ты меня «барышней» называешь? Ты знаешь, что я терпѣть этого не могу. Я Васса Андреевна, а не «барышня», — сердито сказала хозяйка дома. — И что это за хлѣбъ? Не могла чего-нибудь вкуснее выбрать?

И она расшвыряла все, что было въ корзинкѣ, но затѣмъ все-таки присѣла къ столу, налила чашку кофе, плеснула сливокъ и принялась, хрустя своими бѣлыми и крѣпкими зубами, грызть кренделекъ.

— Узнай у швейцара, нѣтъ ли письма, — приказала она горничной.

Глаша ушла, и вернувшись черезъ минуту, объявила, что кромѣ газеты ничего нѣтъ. При этомъ она имѣла такой удрученный видъ, точно отъ ожидаемаго письма зависѣла вся ея участь.

На лицѣ Вассы Андреевны еще сильнѣе отразилось дурное расположеіе духа.

— Скажи кухаркѣ, чтобы сейчасъ съѣздила къ Денису Ивановичу, — распорядилась она. — И пусть скажетъ, что я прошу сію минуту пріѣхать ко мнѣ. Чтобы сейчасъ, сію минуту пріѣхалъ.

— Вы бы лучше написали, Васса Андреевна; можетъ быть, Дениса Ивановича дома нѣтъ, — замѣтила Глаша.

— Не выдумывай. Терпѣть я не могу писать. Пусть сейчасъ ѣдетъ.

Васса Андреевна допила кофе, съѣла половину крендельковъ и булочекъ, и затѣмъ, усѣвшись передъ туалетнымъ столикомъ, зажгла спиртовую лампочку, положила на нее щипцы и медленно, не торопясь, занялась уборкой своей головы.

Сложная работа эта была окончена только на половину, когда въ передней раздался звонокъ, и вслѣдъ затѣмъ изъ-подъ портьеры осторожно просунулась голова Дениса Ивановича Бобылкова.

— Не входите, здѣсь еще не прибрано, — поспѣшно крикнула ему Васса Андреевна. — Подождите въ будуарѣ, я сейчасъ къ вамъ выйду.

— Что случилось? Вы меня перепугали, — послышался изъ-за портьеры голосъ Бобылкова.

— Ахъ, я вся разстроена. Я вамъ все расскажу, — отвѣтила Васса Андреевна.

Она торопливо всунула въ волосы нѣсколько шпилекъ, и съ расчесаной только на половину головой встала и перешла въ большой, очень модно и нарядно обставленный будуаръ. Бобылковъ, расправлявшій всѣми пятью пальцами передъ зеркаломъ свою висѣвшую жиденькой бахромой бородку, тотчасъ повернулся и подошелъ къ ручкѣ.

Это былъ господинъ лѣтъ сорока пяти, средняго роста, съ лысиной и съ замѣтною просьѣдью на вискахъ и въ бородѣ. Темное, пересѣченное красноватыми жилками лицо его имѣло

довольно поношенный видъ. Маленькіе, съ облѣзлыми рѣсницами глазки глядѣли съ плутова-тою слащавостію, сквозь которую ничего не сквозило – ни ума, ни глупости, ни слишкомъ большого самолюбія, ни слишкомъ большой наглости.

– У меня съ Сатиромъ скандалъ третьяго дня вышелъ, – обратилась къ нему Васса Андреевна. – Мы съ нимъ такъ посчитались, что онъ теперь глазъ ко мнѣ не покажетъ.

– О-о?! Сатиръ Никитичъ? – произнесъ Бобылковъ такимъ тономъ, какимъ старые любезники говорятъ съ капризничаящими женщинами. – Расскажите, голубушка, расскажите...

– Да и рассказывать нечего: просто насплетничали ему про Сережу, онъ и сталъ выслѣживать, – отвѣтила Васса Андреевна.

– Ну, и что же?

– Ну, и выслѣдилъ. Разбунтовался, ругаться сталъ. А я ему все и выложила: какъ онъ къ Фофочкѣ на дачу ѣздилъ, и какъ за нее за два мѣсяца за коляску заплатилъ, и про то, какъ онъ Козичеву гадости про меня говорилъ – все, все ему выложила, будетъ помнить...

Бобылковъ повелъ носомъ и неодобрительно покачалъ головой.

– Скажите пожалуйста! Сатиръ Никитичъ! Кто бы могъ ожидать? Ревновать тоже вздумалъ... – проговорилъ онъ.

– Да, но вѣдь это нельзя же такъ, – продолжала Васса Андреевна, присаживаясь на диванчикъ и запахивая немножко позасаленныя полы своего халатика. – Не могу же я вдругъ ни при чемъ остаться. У меня дача нанята, кто же за нее платить будетъ? Коляска новая заказана, на дняхъ привезутъ – чѣмъ же я заплачу? Развѣ такъ дѣлаютъ порядочные люди? Вы, Денисушка, должны насъ помирить.

– И помирю, мамочка, разумеется помирю! – воскликнулъ Бобылковъ. – Что, въ самомъ дѣлѣ, онъ глупить вздумалъ? Развѣ такъ обращаются съ дамами? Я его проберу.

– Вы привезите его ко мнѣ, Денисушка. Вѣдь вотъ, онъ вчера цѣлый день глазъ не показалъ.

– Постараюсь, мамочка. Вы на меня положитесь. Я бы и сейчасъ къ нему поѣхалъ, да вотъ, у меня дѣло есть. Елена Николаевна просила рѣдкостные часики ей показать, купить хочетъ.

Бобылковъ вынулъ изъ кармана маленькій футляръ и повертѣлъ его въ рукахъ.

– Какіе часики? Покажите, – полюбопытствовала Васса Андреевна.

Часики были очень обыкновенные, съ розовой эмалью и мелкими брилліантами. Но Бобылковъ увѣрялъ, что это чистѣйшій емпріе, которому цены нѣтъ.

– Елена Николаевна купить, она любитъ рѣдкія вещи, – сказалъ онъ.

– Ничего она у васъ не купитъ, потому что вы ей уже подсунули одинъ «ампиръ», – возразила Васса Андреевна. – Надули ее съ шифоньеромъ на триста рублей.

Бобылковъ всплеснулъ руками.

– Мамочка, какъ же можно это говорить! – воскликнулъ онъ. – Шифоньеръ мне отъ княгини Кувылладзе достался. И это не емпріе, а Louis XIV. У Маріи Антуанеты такой былъ. А часики я всего за двѣсти рублей отдаю: деньги очень нужны.

Ужова еще разъ раскрыла футляръ, посчитала брилліантики, пожала плечами и сказала:

– Оставьте у меня. Если Сатиръ Никитичъ пріѣдетъ, я скажу, что купила за двѣсти.

Бобылковъ отобралъ футляръ и прижалъ его къ боку сюртука.

– Мамочка, не могу. Радъ бы всей душой, но не могу. Мнѣ эти часики необходимо сейчасъ же пристроить, – возразилъ онъ. – Пока не добуду двѣсти рублей, я не могу никакимъ постороннимъ дѣломъ заняться. И къ Сатиру Никитичу съѣздить не могу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.